

«Когда разгуляется»-2

Публикация в «Известиях» фрагментов из книги Анатолия Смелянского «Уходящая натура» вызвала противоречивые отзывы в театральной среде. Особенно та глава, что называется «Когда разгуляется» (опубликована 24 августа с.г.). Сегодня мы знакомим читателя с двумя полярными точками зрения. Выказаны они людьми, знакомыми лично в той или иной степени с Олегом Ефремовым — одним из главных героев книги Смелянского.

Нельзя молчать!

Весь август «Известия» печатали главами книгу А. Смелянского «Уходящая натура» — историю МХАТа, и мы рады бы поздравить автора с выходом книги, но... одна из глав в виде газетной статьи — «Когда разгуляется», посвященная О.Н. Ефремову, вызвала наше крайнее возмущение. Как можно судить и пересказывать по сути сплетни, на потребу обывательского спроса выдавать компромат на человека, который всего как полтора года ушел от нас и не может сам ответить на вещи личные, интимные, касающиеся лишь его самого.

«О мертвых или хорошо, или ничего» — говорит латынь. Сия мудрость нам не дана: мы привыкли таскать своих мертвецов по мавзолеям и погостам в хвост и в гриву. Что мертвые для папарацци, для охотников за сенсациями! Но как профессору, историку, ближайшему многолетнему помощнику О.Н. Ефремова по театру уподобляться им и выходить на публику со своими откровениями. Дела клановые, профессио-

нальные, почти семейные и обсуждать бы нечего. Зачем? Кому это нужно? Кто знает, для того это не новость, а кто не знает, тому, может быть, и не надо знать.

Не будем разбираться в подробностях. Ефремов был особой, особенной личностью, человеком крупным и мощным, Гулливером, — зачем же к нему с лилипутскими мерками и судом? Думается, прежние историки МХАТа П.А. Марков и В.Я. Виленкин, бывшие не только мозгом, но и совестью театра, не акцентировали, не выпирали того, чем грешили прежние мхатовские «старички», — не за то их помнят и славят.

Ефремов был свободный человек, обладал пушкинской страстью к вольности и непокорством. Он был смел и прям в достижении цели, в работе, в отношениях с людьми. И ни в каких «разгуляньях» не бывал наглецом или хамом, хулиганом или пошляком.

Он работал, как вол, он пер, как танк, всем известно. И пил он, как всякий русский человек

пьет: от напряжения, от отчаянья, от обиды, от неумения по-иному расслабиться. И это было его личное дело. Смелость и отвага, свобода имеют свою оборотную сторону: одиночество и отчаянье.

Провести много лет подле Ефремова и так о нем написать! Получается прямо по выражению Станислава Ежи Леца: «Хуже нет, когда жизнь прожита с одними, а отчитываться приходится перед другими».

Нельзя не писать

Анатолий Смелянский, многолетний соратник Олега Николаевича Ефремова по Московскому художественному театру, автор двух больших очерков (или маленьких книжек) о творчестве выдающегося актера и режиссера (1987, 1997), напечатал о нем статью. Статью необычную. О чем у нас писать не принято. Что про О. Ефремова все знали, просто говорили и без чего его облик в любом биографическом сочинении был неполом. О том, что автор называет «уходами» и что противопоставлялось самим его героям «трезвым и бескрылым будням».

Опытный современный читатель, знающий, что сейчас печатают в газетах типа «Московского комсомольца», с налету скажет: «Туда же. Самая старая и солидная газета подумала, задрав штаны, бежать за комсомолом». И ошибется.

Факт и акт публикации статьи оскорбляет, на наш взгляд, память о нем.

Хочется вернуть А. Смелянскому его же слова, которыми заканчивается серия статей в «Известиях»: «никакое иное слово не имеет столько значений в театральном словаре, как слово «предательство».

Но первоначальный смысл однозначен, Анатолий Миронович!..
Михаил РОШИН,
Михаил ШАТРОВ

Очерк А. Смелянского не имеет ничего общего с демонстрацией «жареного». Автор поставил перед собою серьезную и сложную задачу — понять и объяснить психологическую ситуацию пьющего человека, когда этот человек — художник большого масштаба. Не случайно в очерке это состояние героя именуется «другим миром», «праздником».

В советской действительности подобные «уходы» имели свои, особые причины. Те, кто побывал в редакции «Нового мира» при Твардовском, знаю, после визитов куда и разговоров с кем затворялся на своей даче великий поэт.

Смелянский взял на себя смелость — и сделал это тактично и талантливо — показать причины и нарисовать картины самих «уходов» режиссера. «В та-

кие дни он мог сказать что угодно, высказать то, что он никогда бы не сделал в иной ситуации, он ошарашивал дерзостью». Недаром в старой России такое состояние мыслящего интеллигента называлось «проявить благородное негодование».

Автор поставил и вторую, еще более трудную задачу — связать это с творчеством. Кто хоть раз видел репетиции О. Ефремова, надолго их запомнит (некоторое представление дают записи нескольких в кн. «О. Ефремов. О Театре и о себе». Автор-сост. А. Смелянский, М., 1997). Анатолий Смелянский считает, что в

Так победим?

Взялся за перо только по одной причине: а вдруг читатели «Известий» сочтут письмо двух Михайлов мистификацией, некоей пиаровской акцией в преддверии выхода в свет книги «Уходящая натура»? Времена смутные, и не такое бывало. Так вот свидетельствую: два бывших мхатовских автора действительно не могут поступиться принципами. Их оскорбил ефремовский портрет (вернее, фрагмент портрета, поскольку книга моей, в которой Ефремов — один из главных героев, мои оппоненты не читали). Два Михаила объединились — дело привычное в литературе. Но у писателей есть простой и надежный способ полемики. Когда нельзя молчать — напиши свою книгу. И все дела, как

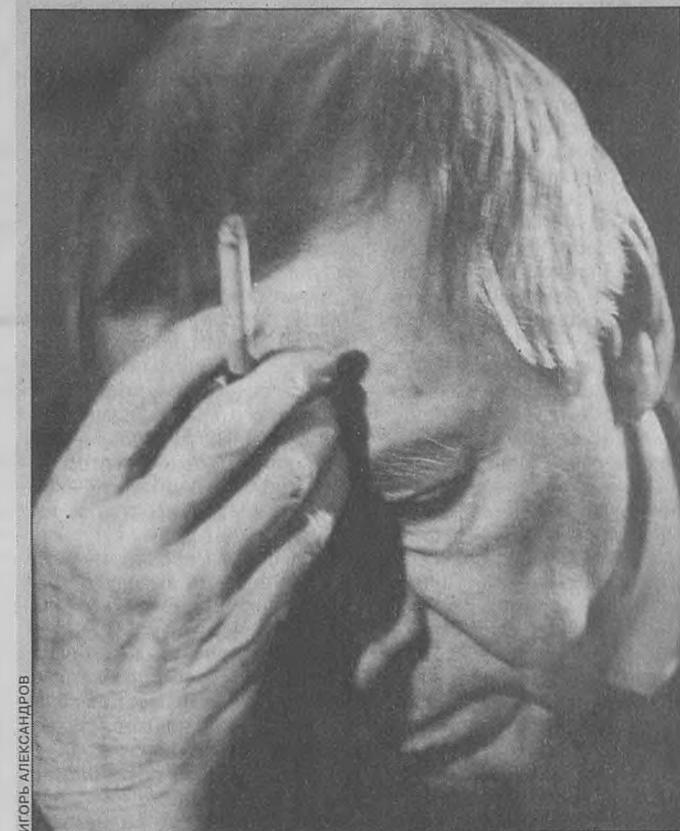
первые 2—3 дня «ухода» «были самые лучшие его репетиции. Его фантазия открывалась до дна, его мощная человеческая природа прояснялась». Он порождал лучшие свои идеи и не забывал о них потом.

Смелянский еще раз напоминает нам: к художнику — особенно в нашей стране — неприменимы обычные мерки. Он живет в другом мире. И когда спускается из разреженного горного воздуха в тяжелую атмосферу асфальта, то способы, которые он применяет, чтобы сохранить свой мир, осуждать не нам.

Александр ЧУДАКОВ

любил говорить Олег Николаевич. М. Рошин, надеюсь, когда-нибудь и напишет. И тогда договорим сюжет про недуг О.Н., и про его отчаяние, и про Художественный театр, в котором изживалась жизнь. Что же касается второго Михаила, боюсь, на перелетной даче, весь пар и вышел. «О мертвых или хорошо, или ничего». Так удобно мыслить отставному литератору, привыкшему некогда побеждать на ленинской ниве. Но Олег Николаевич, слава тебе господи, не в мавзоле лежит, а рядом со Станиславским. И по такому случаю у тех же древних было иное изречение: De mortuis — veritas. Что значит — «О мертвых — правду».

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВ

На могиле Олега Ефремова на Новодевичьем кладбище появился памятник — двухметровая стела из белого мрамора, созданная архитекторами Ильей Былинкиным и Алексеем Тихоновым. Открытие памятника состоялось в понедельник, в день рождения выдающегося мастера российского театра, которому исполнилось бы 74 года. «Человек жив, пока его помнят, — сказал посетивший церемонию министр культуры РФ Михаил Швыдкой, — а Олег Николаевич сделал так много для отечественного искусства, что его имя не подлежит забвению». Почтить память основателя своего театра пришли и актеры «Современника» во главе с главным режиссером Галиной Волчек, коллеги, друзья и ученики, а также дети и внуки Ефремова.